

УДК 94(571) + 39(=161.1)
ББК 63.3(253)622–21 + 63.521(=411.2)-7

Традиционная культура как система преодоления трудностей тылового сельского русского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны

Татьяна Кирилловна Щеглова

(Алтайский государственный педагогический университет: Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55)

Аннотация. В статье на основе полевых исследований с опорой на социальную память, с использованием методов и источников устной истории определяется значение традиционной культуры в поддержании жизнедеятельности сельского общества сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны. Анализируется востребованность и мобильность народных традиций в повседневной жизни, описываются жизнесохранительные практики и их связь с традиционными умениями и навыками, определяется место этих практик в процессах социальной и хозяйственно-бытовой адаптации русских крестьян к военному времени. Делается вывод, что в основе сформированной системы преодоления трудностей лежали замещающие технологии обеспечения семьи питанием, жилищем, одеждой. Созидательность традиционной культуры и ее гибкость рассматриваются на примере огородничества и домашнего скотоводства. Отмечены тенденции их реструктуризации с целью замены традиционных базовых компонентов культуры жизнеобеспечения и перемещением их в группу второстепенных. Доказывается, что критерием адаптационных замещений служили многофункциональность и универсальность. Большое внимание уделяется половозрастному перераспределению трудовых обязанностей в сельской семье, связанному с историческим опытом воспитания и семейными традициями. В завершение исследования автор предлагает рассматривать традиционную культуру как фактор победы в Великой Отечественной войне, а опыт выживания крестьянского общества в трудных условиях считать составной частью подвига населения сибирской тыловой деревни.

Ключевые слова: тыл, сельское русское население, социальная память, повседневные адаптационные практики, трудовые и семейные традиции.

Дата поступления статьи: 12 февраля 2021 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

Для цитирования: Щеглова Т. К. Традиционная культура как система преодоления трудностей тылового сельского русского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 2. С. 24–39.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.2.002>

История Великой Отечественной войны всегда находилась в поле зрения отечественных исследователей. Однако эта тема не исчерпана: ряд ее аспектов до сих пор находится на периферии ис-

следований. Так, в научной литературе по вкладу тыловой деревни основное внимание уделялось непосредственной помощи сельского населения фронту провиантом, одеждой, табаком, тягловой силой и т.п.

Десятки монографий посвящены трудовому подвигу, в них описывается крайнее напряжение физических сил сельского населения на колхозно-совхозных полях, токах, фермах, названы герои трудового фронта.

Но существовали и другие факторы победы, связанные с повседневным подвигом сельской семьи, без которого ни фронт, ни общество не выстояли бы в годы войны. Они связаны с традиционной культурой сельского общества, народными умениями и навыками по обеспечению жизнедеятельности и сохранению трудоспособности семьи, в том числе жизнесохранительные практики по преодолению таких угроз, как голод и холод. Война сосредоточила усилия государства на нуждах фронта. Мирное население оказалось один на один с затруднительными условиями жизнеобеспечения семьи, начиная от базовых элементов — жилища и одежды — и заканчивая ежедневным питанием на фоне физического и эмоционального перенапряжения. Источником преодоления неблагоприятных условий являлись внутренние ресурсы сельского общества, базирующиеся на традициях и практиках крестьянского мира, его трудового и духовного потенциала. Благодаря им сельское население не только выживало, но и обеспечивало фронт всем необходимым. Этот вклад невозможно измерить количественно, но не учитывать нельзя.

Поэтому цель данной публикации состоит в определении значения традиционной культуры в поддержании жизнедеятельности сельского русского общества сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны и степени востребованности и мобильности традиций в повседневной жизни сельской семьи. Одной из главных задач является выявление связи жизнесохранительных практик сельского населения с традиционными умениями и навыками, определение их места в процессах социальной и хозяйственно-бытовой адаптации русских крестьян Сибири к военному времени.

Гипотезой является утверждение о подстраховочной роли традиционной культуры в жизнеобеспечении сибирского русского сельского населения, базирующейся на тесной связи с природной средой, семейными и трудовыми традициями хозяйствования. Новационными представляются

предположения о выработанной русским крестьянством системе преодоления трудностей. В годы войны «подстраховка» жизнедеятельности сельского населения традиционной культурой проявилась в удовлетворении таких жизненных потребностей, например, как пища с опорой на традиции взаимодействия сельского общества с природной средой (собирачество дикоросов, ягод, грибов); одежда с опорой на традиции домашних промыслов по изготовлению ткани, постельные принадлежности из растительных волокон (льна, конопли) и шерсти; лекарства и способы лечения с использованием растительного и минерального сырья, известного в народной медицине, и т.д.

В этом смысле автор предлагает рассматривать традиционную культуру жизнеобеспечения как фактор победы в Великой Отечественной войне. А достигнутая в традиционном обществе и мобилизованная в годы войны сбалансированность крестьянской модели хозяйствования с «природным ландшафтом», семейные и трудовые навыки и жизнесохранительные практики крестьянского общества, сопряженные с опытом выживания в трудных и экстремальных условиях, являлись составной частью подвига населения сибирской тыловой деревни. В условиях ослабленного войной колхозно-кооперативного и совхозного сельскохозяйственного производства, при отсутствии помощи воюющего государства, массовой мобилизации трудоспособного мужского населения, техники и тягловой силы на фронт крестьянская традиционная культура «подстраховала» сельское население. Возврат к традиционной культуре стал в военное время важнейшей жизненной стратегией сельской семьи.

Новационный исследовательский ракурс потребовал привлечения новых источников с опорой на изучение памяти участников и очевидцев с помощью устной истории как метода этнографических и антропологических исследований. В основе устной истории лежит создание новых источников с применением опросных технологий (интервью) с последующим документированием устной информации (аудиоисточник) и его письменным транскриптом. Современные достижения научной мысли в разработке понятий и механизмов памяти [Гучинова 2005; Ассман

2014] в социальной и культурной антропологии и этнологии позволяют достигать объективных и научно достоверных выводов. Автор в ходе исследования обращалась к таким разновидностям социальной памяти, как индивидуальная и семейная. Как известно, временные рамки существования социальной памяти ограничиваются тремя-пятью поколениями. Именно в таком диапазоне в орбите семейных разговоров хранится, обсуждается и циркулирует информация об эмпирическом опыте старших поколений, в нашем случае о повседневных практиках сельского тылового населения в военных условиях.

Интервьюирование проводилось в 2015–2019 гг. по научной программе Центра устной истории и этнографии «Культура жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны» под руководством автора¹. В исследовательский коллектив вошли начинающие историки — магистранты и аспиранты Алтайского государственного педагогического университета А. В. Рыков, Д. В. Алекса, А. С. Кузнецов, А. А. Гоппе (Мазырина), участвовали в полевых исследованиях бакалавры А. С. Свидовская, А. Ковзель, И. Руппель и др. Автором разработаны научно-методические материалы и сформулированы теоретико-концептуальные подходы с опорой на культурную антропологию (С. А. Арутюнов) [Культура жизнеобеспечения 1983] и устную историю [Щеглова 2015]. За эти годы проведено 7 экспедиций, записано 658 интервью, документировано (транскрибировано) 972,5 часа записи, сделано свыше 60 тысяч цифровых фотоснимков, выявлены и оцифрованы тематические материалы семейных архивов. Основными носителями памяти являлись респонденты 1930–1940-х годов рождения, которых принято относить к категории «дети войны», а также их дети и внуки, для которых еще актуальны воспоминания о войне. Поколение «тружениц тыла» было представлено в основном информантами 1920-х годов рождения.

Принципиальным являлся выбор территорий для проведения полевых исследований. Он происходил по трем

критериям: природно-географические условия (территория юга Западной Сибири отличается разнообразием и включает практически все природные пояса, от солончаков до альпийских вершин); этнический и этнокультурный состав населения (старожильческие или переселенческие зоны, русско-мордовское или русско-украинское порубежье и т.д.); социально-экономический (работники колхозов, совхозов, промартелей и др.) и гражданско-правовой статус респондентов (раскулаченные, спецпереселенцы, трудармейцы и др.). Неоднородность сельского населения влияла на особенности адаптации к военным условиям, что позволяло проследить мобильность и гибкость традиций. Существенным дополнением при подготовке статьи являлись материалы историко-этнографических экспедиций, проведенных под руководством автора в предыдущие годы (1990–2015), когда в рамках других тематических программ изучалась память сельского населения 1900–1920-х годов рождения. Все материалы хранятся в устном архиве Центра устной истории и этнографии АлтГПУ и личном фонде автора в Государственном архиве Алтайского края (ГААК. Ф. 1971).

Потребовалась и выработка концептуально-методического инструментария при анализе устных источников (материалов интервью). Такими инструментами стали разрабатываемые автором понятия о механизмах подстраховки сельского населения в затруднительных для жизнедеятельности условиях с адаптационными жизнесохранительными практиками, в основе которых лежали заместительные технологии, базирующиеся на знаниях и навыках традиционной крестьянской культуры. Эти подходы рассматривались автором в ряде публикаций (см., например: [Щеглова 2018]). Заместительные технологии жизнеобеспечения как базовый компонент системы преодоления трудностей в народной культуре использовались при решении проблем экологии и отопления жилища, проявлявшихся в замене традиционных для сибиряков дров «на своеобразные суррогаты» топлива. В годы войны для отопления жилища

¹ Поддержан РГНФ/РФФИ, проект № 15–31–01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

прибегали к собиранию шишек, соломы, бурьяна, глыз (коровьих «лепешек»), полыни, изготовлению кизяка, заготовке сучков, собашника (горного кустарника), акации (по речным забокам) и т.п.

Те же заместительные технологии отмечались в строительстве жилища и поддержании его экологии, причем они сопро-вождались этнокультурным взаимодействием. Война ускорила внедрение многих не традиционных для русской жилищной культуры в целом и для ее сибирских локальных вариантов иноэтнических строительных традиций. Этому способствовали массовые этнические депортации 1940–1950-х гг. в Сибирь из Поволжья, Западных Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа. В основе строительной культуры большинства депортированных лежали степные традиции. Под их влиянием в условиях отсутствия традиционного срубного строевого материала в обустройстве жилой среды «избяные бревна» стали заменяться дерном, глиной, соломой, камышом, валежником, чащей и другими «подручными материалами», в строительстве происходит вытеснение срубной технологии саманной, глинобитной или каркасной (плетневой). Степные традиции возобладали и в экологии жилища, например, внутренняя и внешняя штукатурка стен.

Взаимообмен культурно-бытовым опытом местного и депортированного населения служил важнейшим источником формирования заместительных технологий. Пример — распространение кукурузы в восточных районах Алтайского края, которая как злаковая культура компенсировала сельской семье потерю зерновых при изготовлении хлеба. Полевые материалы на территории горного Красногорского района показали, что кукурузная мука стала аналогом пшеничной или ржаной муки. Для приготовления теста добавляли тертый картофель, соль, хмелевые дрожжи или закваску. По воспоминаниям старожил, такой хлеб имел грубую и рассыпчатую структуру; чтобы «склеить» хлеб из кукурузной муки, в него добавляли картофель, соевую или бобовую муку. Связывали распространение посева кукурузы на приусадебных участках с депортируемыми — украинцами или чеченцами [Сви-довская, Ковзель 2018, 162].

Ярким примером заместительных технологий было развитие ловчих промыслов на

сусликов, которые буквально «спасли» военную деревню, так как субпродукты этого промысла стали альтернативой обеспечения голодающей деревни белком, а шкурки использовались для изготовления обуви: *«За речкой мы жили. Хатёнка однокомнатная была. Брат всё время сусликов ловил. Особенно весной голодно было... Однажды брат ляг... Там у нас печка была, русская, глинобитная. Брат ляг на задого (задого у печки была) и говорит: “У меня уже пупок прирос к спине...” Весна подходит — мы сусятину ели. Мы в то время радовались до такой степени, что мы даже немножко хоть “в тело входили”»* (Зап. от З.Н. Прокошиной, 1932 г.р., с. Курья, Курьинский р-н, Алтайский край. 2019 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1].

Борьба с голодом актуализировала навыки жизни с опорой на «кормящий ландшафт» конкретной местности. Это проявилось в возрастании роли присваивающих занятий крестьянской семьи, в первую очередь собирательства с целью заменить окультуренные традиционные злаки дикорастущими аналогами в таких традиционных крестьянских блюдах, как каши и мучные изделия. Это способствовало возникновению практик имитации традиционных блюд, когда воспроизводились технологии, а ингредиенты менялись — каша из рыжика, каша из сурепки, щи с лебедой, лепешки с крапивой и т.д. [Щеглова 2018, 270–349]. Например, из дикорастущей пшеницы — рыжика пекли калачики, которые выглядели аппетитно, но на вкус были хуже, чем лепешки с лебедой: *«приходилось питаться, чем попало. В основном рыжик всегда выручал. Такой вонючий! А ведь ели»* [Сборник воспоминаний, А.М. Кальней, 1918–1998 гг.]. Мобилизация таких архаичных занятий, как собирательство, в том числе дикорастущих растений, ягод, грибов, плодов, вернула деревню к опыту присваивающего хозяйства.

Распространению заместительных технологий в системе жизнеобеспечения способствовали структурные изменения в экономике сельской семьи. В годы войны она свелась к домашнему скотоводству и огородничеству; приусадебное земледелие сохранилось фрагментарно. Происходил отбор элементов системы жизнеобеспечения в соответствии с функциональной полезностью: в условиях режима экономии, достоящей до аскетизма, сельское население

стремилось к сохранению элементов, обладающих многофункциональностью. Например, при ограниченных площадях приусадебных участков в годы войны стали расширяться посевы конопли, которая занимала не так много места. Посадки и уход за ней не требовали больших физических затрат, а весь «урожай» шел «в дело»: в годы войны домашнее производство ткани из льна, для которого требовалась пашня, было вытеснено изготовлением сводельного полотна из конопли; из вызревшего семени готовили масло; пакля использовалась в строительстве и т.д.

Подобная реструктуризация происходила в скотоводстве, которое, оставаясь стратегически важной отраслью семейного хозяйства, потеряло значение в обеспечении продуктами питания по разным причинам, в том числе в связи с тем, что было обременено сельскохозяйственными налогами. Общеизвестно, что наложение на крестьянские дворы военных, особенно натуральных, налогов, несмотря на заявленный возмездный характер, осуществлялось по установленным низким государственным ценам. Например, заготовительные цены за голову крупного рогатого скота составляли 41–53 руб., за одну свинью — 32–48 руб., тогда как на колхозном рынке (д. Тальменка, Алтайский край) в феврале 1944 г. 1 кг говядины стоил 135 руб., а 1 кг свинины — 180 руб. [Рыков 2017, 239]. Поэтому в годы войны из питания сельского населения ушли мясные продукты. А установление критериев для сдаваемой продукции привело к сокращению потребления многих продуктов, в частности молока (при сдаче молока устанавливалась базисная жирность). Из-за проблем с кормами и использования коров на работах уменьшились и удои коров, и жирность молока. В таком случае сельчане обязаны были сдавать гораздо больше установленной нормы молока. О причинах и факторах уменьшения значения семейного скотоводства в питании сельской семьи рассуждает респондент: *«Я держу корову — я обязан сдать 350 литров молока с коровы, с одной головы. Теленочек от нее есть — мясо ты сдай. Там, сколь — 50 килограмм или 70. Принесут квитанцию, на ней указано, сколько там <сдать>. Яиц там 300–200 штук сдать государству. А оно как сдашь? 300 литров унес молоко с коровы. Ну, думаешь, теперь молоко*

будешь есть досыта. А тут посчитают — жирность малая. Добавка еще 50 литров. И еще 50 носишь <сдаешь>» (Зап. от Н. П. Маслова, 1932 г.р., с. Кривое, Панкрушихинский р-н, Алтайский край. 2012 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1].

Особенностью структурных изменений в скотоводстве под влиянием войны являлось сокращение поголовья скота, и прежде всего свиней и овец, в личном хозяйстве. Приоритет получила корова. Корова в крестьянском скотоводстве всегда находилась в центре внимания, но занимала второе после лошади место в системе жизнеобеспечения. Ликвидация единоличного хозяйства в 1930-е гг., а затем война поместили корову в центр семейного хозяйствования. Ее роль многократно возросла благодаря использованию ее и как тягловой силы, и как источника обеспечения многих потребностей — от пищи (молоко) до отопления (навоз). В дело шло всё — от рогов (детские соски из рога и сосков) до копыт («жировики», «коптюшки» — осветительные приборы). Все изменения были обусловлены целью сбалансировать семейную экономику. В частности, сведение домашнего скотоводства к содержанию коровы было связано в том числе с тем, что в скотоводстве способом адаптации к военному времени послужила замена сена соломой. Этим в определенной степени объяснялось второстепенное значение овцы в хозяйстве: овцы, несмотря на их сырьевое значение (шерсть, овчины, мясо), составляли конкуренцию по качественному корму.

Жизнесохранительные адаптации способствовали отбору универсальных компонентов хозяйственно-бытовой культуры. Фокусирование семейного хозяйственного коллектива на крупном рогатом скоте привело к тому, что корова стала выполнять несвойственные ей в традиционной культуре функции, прежде всего широко использовалась в качестве тягла как в приусадебном хозяйстве, так и в колхозах и совхозах (для привлечения личного скота на колхозные работы владельцу начислялся 1 трудодень за каждый рабочий день коровы). Причины этого были связаны с мобилизацией на фронт не только мужчин, но и лошадей и техники. Как говорят старожилы, «армия же всё забирала». Только в 1941 г. было мобилизовано 42 183 лошади, а всего за годы войны Алтайский край дал для нужд фронта 48 268 лошадей [Ростов

2011, 178]. В 1943 г. в Алтайском крае ко-
ровами было вспахано 21 тыс. га, лошады-
ми — 17,3 га, тракторами — 14,9 тыс. га
[Арутюнян 1970, 156]. Как говорили в си-
бирской деревне, в войну «*кабы не бабы
да не быки, да передохли бы все мужики*»
(Зап. от Т. А. Малаховой, 1940 г.р., с. Крас-
ные Орлы, Чарышский р-н, Алтайский
край. 2018 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1.
Оп. 1]. Использование коров компенсиро-
вало потерю техники и лошадей.

О перемещении коров в центр системы
жизнеобеспечения сельской семьи говорят
все респонденты: «*она нас и спасла*» (Зап.
от М. Е. Малахова, 1938 г.р., с. Огни, Усть-
Калманский р-н, Алтайский край. 2017 г.)
[Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]; «*всю
войну держали коров. Вле! Без коровы нель-
зя*» (Зап. от Т. К. Лапутиной, 1921 г.р.,
п. Благовещенка, Благовещенский р-н,
Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ
АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Конечно, для семьи ее
значение определялось прежде всего тем,
что она ежедневно давала молоко, которое
употребляли в цельном или в разбавлен-
ном виде, часто как основной продукт для
детей: «*Недоедали. Вечером придет: “Мам,
чѐ есть?” — “Да нечего”. Вот с этим и ля-
жешь спать. Корову подоила, в чугунок вы-
лила, литра два-три, подсолила, мы это
молоко выпили*» (Зап. от Д. Г. Валуйских,
1929 г.р., с. Зыково, Панкрушихинский р-н,
Алтайский край. 2012 г.) [Архив ЦУИиЭ
АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Использование коров
на пахотных работах снижало удои. Вы-
нужденные выводить корову на вспашку
колхозных полей, крестьяне дома берегли
корову: «*...мы большие всего жалели корову.
Так копали прямо лопатой <огород>. Вот
раненько утром до завтрака встаем, за
лопату — и пошли...*» (Зап. от Н. А. Шин-
кевич, 1925 г.р., п. Благовещенка, Благо-
вещенский р-н, Алтайский край. 2015 г.)
[Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. По-
этому наличие коров в семье было залогом
выживания и гарантией жизнедеятельно-
сти семьи. Вот как рассказывает о долго-
жданном приобретении коровы М. Е. Ма-
лахов: «*...красная, лысая, хорошая такая
была телка. Она стельная, прям глубоко
уже была... Отелилася, а она первотелкой
была, утром ведро и вечером ведро молочи-
ща. Потом она у нас стала вместо коня,
Николай <брат> бричечку такую сделал,
от конного плуга такие колесики легкие,
и вот мы за дровами ездили и сено это*

*руками вот косили — насышим воз, приве-
зем. Я погоняем был у его, а потом и вер-
хом на ей ездил*» (Зап. от М. Е. Малахова,
1938 г.р., см. выше).

Коровий навоз стал сырьем для изго-
товления топлива — кизяка, основой для
грядок под огурцы. Шерсть коровы шла на
изготовление детских мячиков: «*Мячики
мы делали из шерсти и в мячики играли.
Скатаешь мячик: линьку собираешь, она
липкая <шерсть>, <...> еще на корове на-
чинает этими комочками слипаться. Бы-
стро каталась. В мыльную воду обмочаешь
и вот так вот и катаешь. Руками катать
и всё. А потом обшивали какой-нибудь брез-
ентинкой потолще. Обоишь аккурат-
ненько. А потом в лапту играли*» (Зап. от
М. Е. Малахова, 1938 г.р., см. выше).

С использованием коров формирова-
лись и жизненные повседневные стратегии
выживания, например, у детей в борьбе
с холодом. В коровьих горячих «лепешках»
дети грели босые ноги. «Коровьи лепеш-
ки» собирали в засохшем виде и хранили
в мешках для отопления или приготовле-
ния пищи в русской печи. Сформировался
конкурентный детский промысел на про-
гонных тропях по сбору «лепешек», для
детей устанавливались нормы их сбора за
день или неделю. Зафиксированы и более
экстремальные способы: дети на выпасах
при замерзании ложились на место, про-
гретое коровой («*как на печку*»), и т.п.
Были случаи, когда при обвале жилой
землянки под проливным дождем семья
спаслась от осеннего холода в скотном
дворе, встав между теплых боков коров.
В годы войны сформировался своеобраз-
ный симбиоз человека и коровы, что от-
ражалось в ласковых прозвищах — «*наша
кормилица*», «*наша спасительница*». Так
ее называли в семье и так разговаривали
с ней в скотном дворе, что свидетельствует
о приравнивании животного к человеку.

Такие же адаптационные процессы
спересмотром значения и поиском альтер-
нативы недостающим базовым элементам
культуры жизнеобеспечения происходи-
ли в огородничестве, которое под влияни-
ем войны тесно сомкнулось с собиратель-
ством. В совокупности эти две отрасли
семейной тыловой экономики компенси-
ровали потери от ликвидации семейного
земледелия по производству зерновых
продуктов. Материалы интервью говорят
о переходе огородничества в ведущую

отрасль: «ну как без огорода... в войну» (Зап. от З.Н. Прокошиной, 1932 г.р., см. выше); «Тут же огороды огромные были. Только ими и жили» (Зап. от И.М. Кудрявцева, 1928 г.р., п. Лебедиха, Панкрушихинский р-н, Алтайский край. 2012 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Война привела к переоценке значения огородничества, которое с периферии семейной системы жизнеобеспечения переместилось в ее центр, в отличие от единоличного хозяйствования, в центре которого находилось семейное земледелие.

Увеличение значения огородничества осознали и государством, которое скорректировало в годы войны политику в отношении приусадебного землепользования. В ходе коллективизации и колхозно-совхозного строительства 1930-х гг. размеры земли под огороды регламентировались — от 0,25 до 0,5 га. Как известно, у колхозников единственным земельным наделом, которым он мог распоряжаться, стал приусадебный участок, значительную часть которого занимал огород. На юге Западной Сибири, по данным налогового учета, средние размеры огорода составляли около 0,23 га [Алекса, Рыков 2015, 307]. Но в годы войны государство разрешило и увеличивать приусадебные огороды, и выделять землю за селом под посадку картофеля, бахчевых, капусты (так называемые выносные огороды). Полевые материалы показывают, что огородные посадки доходили до 50–60 соток. Сельские администрации этому не только не препятствовали, но и стремились помочь колхозникам. Так, в Благовещенском районе респонденты вспоминают о выделении колхозом земли отдельным семьям под выращивание арбузов: «на папнях — 2 сотки каждому давали...». Н.А. Шинкевич так описала выносные огороды: «Прямо среди степи полоса вспахана. Ну, ... 100 ширина, а длина — это километра 2–3. И вот эти 100 метров ширины, протоптаны дорожками каждому 2 сотых. Вот это бахча была у нас» (Зап. от Н.А. Шинкевич, 1925 г.р., см. выше).

Преимущество огородничества для сельской семьи в годы войны состояло в доступности занятий для всех членов семьи благодаря традициям половозрастного разделения труда. Традиции семейного трудового воспитания с формированием у детей привычки к тяжелому,

преимущественно ручному, труду и способности к длительному физическому напряжению сил привели к замене ими трудоспособного населения во всех сегментах семейной экономики: на огороде, скотном дворе, в избе. Навыки ручного труда, передаваемые из поколения в поколение, были востребованы в условиях ухудшения технического оснащения сельскохозяйственного труда как в общественном производстве, так и в личном хозяйстве. Поэтому семейные трудовые традиции стали важнейшим фактором адаптации к условиям военного времени. Замена мужчин в сельскохозяйственных работах женщинами также являлась частью исторического крестьянского опыта. Женщины и на производстве, и на личном подворье заменили ушедших на фронт мужчин, что соответствует традиционному представлению о русской женщине, которое выразил Н.А. Некрасов: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» Подтверждением этому служат воспоминания «детей войны» о матерях: «Женищины и на коровах пахали, пешиими за 5 км ходили на полевой стан. А оставались дома только, когда огород посадить. Она <мама> варила, латала, стирала. Зимой то же самое. Мы ложились спать, а она там шила, пряла, ткала. Даже валенки делала» (Зап. от И.Ф. Калашник, 1929 г.р., с. Дубровино, Романовский р-н, Алтайский край. 2010 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1].

Раннее включение детей в трудовую деятельность показывает, что повседневные практики в военное время опирались на традиционный детский возраст (5–7 лет) [Громько 1975, 293; Миненко 1991, 108]. Сохранялся учет физических возможностей и психологических особенностей детей по привлечению к работе по дому и хозяйству: содержанию дома, работам на скотном дворе и в огороде, уходу за младшими детьми и т.д. В многодетных семьях детский коллектив был вполне самостоятелен благодаря многофункциональности даже в отсутствие взрослых трудоспособных членов семьи. Например, З.С. Агапова (1935 г.р.), которой в начале войны было 7 лет, по старшинству заняла место «няни» и как «глава семьи» организовывала работы младших брата и сестры. Ее рассказ довольно типичен: «Они меня няней звали. Мама скажет: “Ребятишки, надо дров напилить”. Мы <с братом> бревно на эти

палки кладем и пилим. А она <младшая сестра> сядет держать» (Зап. от З.С. Агаповой, 1935 г.р., с. Усть-Волчиха, Волчихинский р-н, Алтайский край. 2011 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. В работах по огороду труд детей тоже был дифференцирован: «...не те дети, которым 5–6 лет, а те, которым 10–11 лет, грядки уже сеяли. Старшие — уже с тяжкой картошку окучивали. А маленькие знали, что грядки утром до жары нужно полить...» (Зап. от А.И. Поздеевой, 1932 г.р., с. Залесово, Залесовский р-н, Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Более тяжелые работы распределялись среди подростков, положение которых в годы войны определялось двойным статусом: в семейном домашнем хозяйстве они заменяли родителей, а на колхозно-совхозном производстве работали наравне со взрослыми: «Мама отделит мне клеточку <в огороде>: “Вот тебе, Зоя. Сегодня ты не пойдёшь в бригаду, а вот вскопаешь”. Вилками... или лопатками я копаю... Она придёт — ещё больше я накопаю <чем велели>. Она меня похвалит...» (Зап. от З.Н. Прокошиной, 1932 г.р., см. выше).

Наиболее устойчивыми трудовыми коллективами стали семьи с двумя возрастными группами — детьми и нетрудоспособными взрослыми (пожилые или инвалиды), т.е. те, кого не привлекали к колхозным работам. Они в отсутствие трудоспособных женщин и мужчин составляли костяк трудового коллектива семьи: у одних были энергия и способность к напряжению сил, у других — народные знания, традиционные навыки и терпение. Как рассказывала Т.М. Изотова (1938 г.р.): «Мы <с сестрой> дома. За нами огород был. Командовала баба <бабушка>. Огород прополоть, полить — это наша обязанность. Таскали по полведерка <воды>, но поливали. Пололи. Если баба сказала, что прополоть какую-то там грядку. Или морковку. Даст вот указание: “Вот, выполи!” А потом даст гулять» (Зап. от Т.М. Изотовой, 1938 г.р., п. Майский, Романовский р-н, Алтайский край. 2014 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Хозяйственно-бытовой и жизненный опыт потомственных крестьян, при маломощности детского коллектива в отсутствие лошадей и орудий труда, стал важнейшим фактором формирования повседневных жизнесохранительных практик в военное время. Там, где

семейному коллективу детей и стариков не хватало силы, ее компенсировали смекалкой и опытом преодоления трудностей: «Дедушка всегда был дома. Мы с ним выполняли всю работу по дому. Огороды копали вручную вилами. Боронили лестницей: привязывали веревки с обеих сторон и таскали по огороду» (Зап. от М.Д. Рябых, 1935 г.р., с. Гилев Лог, Романовский р-н, Алтайский край. 2014 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1].

Такую же роль играли и члены семьи, которые, либо в силу физического увечья с детства, либо получив их на фронте, являлись инвалидами. Как это было в семье М.Е. Малахова, у которого с войны пришел без руки старший брат Николай: «Вот, у меня были валенки, так, наверное, по 50 заплаток на них. Всё Николай это одной рукой делал <ставил заплатки>... У нас Николай сам из жести делал ведра... Он командовал, я в помощниках. Сначала делаешь цилиндр. Расклепал всё, на трубу одеваешь и пошел <молотком отбиваешь>, чтобы плотненько было. Шов он ровненький, не потечет. На дне вот так кругляшок вырезаешь, и на этом кругляшке тоже вырезаешь ножницами по кромке эти <надрезы по краям> немножко, чтобы зацепиться-то. Потом загибаешь, которое разрезано пригибаешь, и опять пошел молоточком... Лёгоньким <молотком> лучше. Большим ударишь, а он где плотно, где неплотно <прижмет>. А этот маленький пошел, пошел... Он держал, а я бил. По пальцу ему тукну, он мне подзатыльник — раз. Всё заделаешь, как на сварке <получается>...» (Зап. от М.Е. Малахова, 1938 г.р., см. выше).

Многодетность и многопоколенный состав сельской семьи в годы войны стали гарантией ее стабильности. Пожилое население деревни, являвшееся носителем традиций, подстраховало сельское общество. Этнографы еще должным образом не оценили роль бывших крестьян-единоличников в формировании системы жизнеобеспечения, жизненных стратегий выживания и повседневных адаптационных практик, с помощью которых поддерживалась жизнедеятельность сельского общества в условиях войны.

Выход огородничества на первые позиции в обеспечении семьи питанием сопровождался его реструктуризацией с изменением статуса овощных культур, которыми

пытались компенсировать недостаток традиционных продуктов. Заместительное значение проявлялось, например, в использовании таких овощей, как свекла или морковь, а также арбузы или тыква вместо сахара. Как говорили респонденты: «У нас же не было сахара. Сахара вообще не было, только вот овощи. Те, что вот вырастивши» (Зап. от Н. А. Шинкевич, 1925 г.р., см. выше). По этой причине «и тыкву, и свёколку, и белую и красную садили...» (Зап. от З. Н. Прокошиной, 1932 г.р., см. выше), которые служили заменой сладостей. Ярким примером замещения стало увеличение посадок бахчевых культур — тыквы (на территориях с умеренным климатом в лесостепной и таежной зоне) и арбузов (на степных и солончаковых территориях). Историки привели такую статистику: согласно бюджетам колхозников, среднегодовое потребление бахчевых культур на 1 душу наличного населения выросло в 2,5 раза: с 2063 г в 1939 г. до 5161 г в 1944 г. [Рыков 2016, 230].

Полевые материалы конкретизируют и раскрывают механизмы традиционной кухни по замене сладостей. Например, говорили о лакомстве под названием «арбузного меда», которое готовили в русской печи в чугунах или кастрюлях (Благовещенский р-н). А. Ф. Овчарова (1924 г.р.) так его описывала: «Очищают кору. Разрезали пополам. Потом на скибки² режут в котел. Семена выбирают. Накладывают плотно. Кору <кожурку> там нет, только мякоть... <Затем> на решето ложат, на другой котел цедают. И варят, варят, пока сладеть пошла. Вот и жили без сахара» (Зап. от А. Ф. Овчаровой, 1924 г.р., п. Благовещенка, Благовещенский р-н, Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. О сладостях из дынь рассказывала Н. А. Шинкевич: «...были такие листы у нас, пекли там пирожки в русской печке. На лист нарежут такие скипочки, знает, как дыни режут? И привяливали <подсушивали> на солнце. Она... привяльнет. А потом уже ее привяленную, кода уже в ей мало соку, клали на этом же листе и в русскую печку. Совсем досушивали. Ну а зимой прямо с корою <кожурой> ели. И очень вкусно. Вот сидишь на печке

на теплой и грызешь эту дыню» (Зап. от Н. А. Шинкевич, 1925 г.р., см. выше).

Поиск альтернативы сахару являлся частью общей тенденции в питании военного времени — изменения статуса продуктов питания крестьянской семьи: вытеснения основных базовых элементов культуры жизнеобеспечения на периферию и, наоборот, выдвигание периферийных, вспомогательных элементов в центр системы с целью их замещения. Наглядным результатом стало перемещение в центр системы питания картофеля и тыквы. Оба продукта можно назвать вторым хлебом в годы войны. Такую оценку дают респонденты: «Больше жили... картошкой и тыквой. Картошка и тыква» (Зап. от А. Ф. Овчаровой, 1924 г.р., см. выше). Преимущество тыквы состояли в хорошей всхожести, неприхотливости возделывания, большой урожайности, лежкости и сытности. Ее выращивали в Сибири повсеместно — и в таежных, и в горных, и в лесостепных, и в солончаковых территориях. Важно, что под посадку тыквы можно было отводить не лучшие места на приусадебном или выносном огороде; она могла всходить на небольшом участке, бросая плети по земле и ограде. В Сибири традиционно ее могут сажать рядом с картошкой. Сроки ее хранения охватывали самое голодное время — от осени до лета. Она хорошо лежала в теплом жилом помещении, не занимая свободного места, — ее закатывали по углам, под кровати и т.д., держали в сухом погребе. Та же А. Ф. Овчарова вспоминала, что у отца «был большой погреб. Зимний <уличный погреб под навесом>. А мы накладем <тыквы> 3 ряда. А погреб выше нашей хаты» (Зап. от А. Ф. Овчаровой, 1924 г.р., см. выше). Для хранения тыквы использовался и такой традиционный способ заготовки, как «вяление» или сушка долями: порезанную долями тыкву после созревания подвяливали в остывающей печи, а досушивали на продуваемых местах. М. М. Штанько описывала заготовку тыкв: «...тыкву тоненько резали на тряпку и на крышу. Она сохнет. И в сумочки <складывали>» (Зап. от М. М. Штанько, 1930 г.р.,

² Скибка — ломтик, кусочек, долька (местн.). Скибочка (скипочка) в украинском и белорусском языках употребляется применительно к долке арбуза и дыни. Информант проживает в Благовещенском районе со смешанным русско-украинским населением.

п. Благовещенка, Благовещенский р-н, Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1].

Еще одним преимуществом тыквы являлась многофункциональность ее использования — и как самостоятельного продукта, и как ингредиента для многих блюд. Для приготовления сладостей тыкву резали на крупные пласты или резали пополам плод и тушили до готовности в русской печи. В последнем случае сладкую мякоть ели ложками, а кожуру высушивали и использовали как емкость — чашки. Могли ее готовить в чугунах, чуть добавляя воды, и парили до готовности или на листах: *«маленько кипяточечку, и распаришь и ешь. И хорошо тыква-то эта! И ели даже так»* (Зап. от М.М. Штанько, 1930 г.р., см. выше). Кроме того, ее использовали в приготовлении таких блюд, как каши, для начинки пирогов. Самостоятельное значение имели семена (тыквенные семечки), которые были питательными и считались лечебными (использовались как противоглистные). Их сушили в русской печи и хранили в мешочках.

Но наиболее ярким проявлением заместительных технологий являлось изменение статуса картофеля. Как известно, основу традиционной системы питания в культуре русского населения юга Западной Сибири составляли зерновые культуры. Изменения в семейной экономике в ходе социалистической модернизации в 1930-е гг. отстранили крестьянскую семью от производства зерна. Источником зерна для крестьян стала его выдача за «палочки» (трудодни) как форма оплаты труда за работу в колхозах. Война ухудшила ситуацию с выдачей зерна колхозникам, так как приоритет его поставок воюющему государству перевел такую выдачу на остаточный принцип, значительно снизив ее. В среднем в 1943 г. колхозники края получали по 420 г зерна на один трудодень [Рыков 2015, 228]. Адаптацией к новым условиям в семейных жизнесохранительных практиках стала попытка сельского населения компенсировать зерновые культуры картофелем. Его внедрение началось еще в дореволюционный период, но он находился на периферии базового ядра крестьянского питания. Оценки сибирских старожилов отражают пренебрежительное отношение к картофелю в доколхозный период: *«картошку мало тогда ели,*

а сейчас одну картошку едим — пухнем и боеем» (Зап. от Р.Ф. Клешевой, 1917 г.р., с. Касмала, Павловский р-н, Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Широкое использование картофеля в питании началось после ликвидации единоличного земледелия, с отстранением крестьян от земли, а война закрепила его переход в группу базового ассортимента.

Преимущества картофеля, как и тыквы, состояли в минимальных трудовых затратах и максимальных результатах, посильности для всех возрастных групп в посадке, уходе и уборке, объеме урожая и многофункциональности его использования. Последняя соответствовала критериям отбора в традиционной народной культуре. Так, лебеда использовалась и как продукт для изготовления жидких блюд, и как суррогат-примесь в мучных изделиях, и как мочалка (например, детьми при борьбе с грязными пятками и цыпушками) и т.д. Осока шла и на корм скоту, и как сырье для изготовления рогожек, и как «мочалка» на полевых работах (колхозницы-комбайнеры, например, макали ее в радиатор и мылись), и как набивной материал для подушек и матрасов и т.д. Сок лопуха использовали в лечении гнойных заболеваний (прикладывали на раны при порезах на полевых работах), корень — для приготовления жидкого супа в весеннее время и т.п.

Многофункциональность картофеля в годы войны определялась востребованностью его в системе питания, в семейном хозяйстве (корм скота), в народной медицине (при ожогах, болях в животе) и т.д. В питании его можно было употреблять в повседневной кухне как в готовом виде, так и в виде примесей к традиционным блюдам. Одной из причин перемещения картофеля в базовую группу стал значительный пищевой объем, что позволяло быстро насыщаться картофелем в отсутствие других продуктов питания. Вот как об этом говорил респондент: *«У нас семья была — пять человек только детей. Три ведра <картошки> в день варили только для пищи. Утром позавтракали — ведро на шесть человек съедем. Безо всего, одна картошка. Ничего не было. В обед это же. Вечером это же»* (Зап. от Н.П. Маслова, 1932 г.р., см. выше).

Картофель как дополнительный ингредиент в первую очередь использовался при

изготовлении хлеба. Существовали разные пути его введения в хлебобулочные изделия. Так описывали один из способов: *«У нас не хватало продуктов. В основном картошка была. Но делали даже хлеб с нее: натирали как-то, заквашивали, делали как форму булочек, некли и ели такой хлеб»* (Зап. от З. К. Вторых, 1928 г.р., с. Залесово, Залесовский р-н, Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Об использовании тертого картофеля как основы хлеба говорили многие: *«Картошку — каждый день по ведру надо было натереть. Вот там в это ведро картошки две пригоршни мучки, опару какую-то делали, чтоб для закисания, а потом уже их в этот хлеб стряпали вот так»* [Алтайская деревня 2012, 593]. Имитацией хлебобулочных изделий можно назвать и известные в Сибири «драники», когда тертый картофель выпекали лепешками, еще встречается название «ландорики» — при их изготовлении в тертый картофель могли добавлять истолченные дикоросы. Имитацией хлебных сухарей стала в годы войны сушеная кожура картофеля: *«Пока у бабушки картошки были, она сухарики картофные сушила: возьмет, сварит их, очистит и потом вынесет на улицу чищенные. На листу, они замерзнут, потом выжмет их и посылит на листу, и подсушит»* (Зап. от Е. Д. Кривошеевой, 1926 г.р., с. Ново-Троицк, Тальменский р-н, Алтайский край. 1996 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1].

Такое замещение традиционных продуктов не проходило бесследно и влекло за собой трансформацию всей системы питания. Как пример, изготовление из картофеля крахмала привело к широкому распространению киселя, который готовили из молока, сушеных ягод, даже овощей. Результатом стало уменьшение, а затем исчезновение из употребления таких традиционных напитков, как сусло и сбитень.

Преимуществом картофеля также было его всесезонное употребление — круглогодичное, благодаря хорошим показателям лежкости (погреб, подпол, голбчик). Картофель мог использоваться в самый голодный для крестьянской семьи весенний период, когда заканчивались припасы. В годы войны сформировались такие адаптационные практики, как весеннее собирательство тех съедобных продуктов, которые оставались на полях и огородах с осени под

снегом. Среди них более распространен был сбор колосков (пшеницы, ржи, просо) на полях и картофеля на огородах. Но если сбор зерновых был опасен — и потому, что являлся противоправным занятием (Закон о колосках 1932 г.), и потому, что служил причиной отравлений весенним колосом (в народе называли «волчья болезнь», когда *«легкие превращались в труху»*), — то сбор картофеля являлся безопасным во всех отношениях, в том числе и при использовании подмороженного картофеля в питании. Информанты так и объясняли: *«...к весне иногда не хватало у людей <продуктов>. Приходилось детям ходить по огородам, собирать картошку, которая там с осени <оставалась>. Она не гнивает, а перемерзает и становится такая, как мука, как крахмал. Собирали эту картошку, питались ею»* [Алтайская деревня 2012, 179]. В годы войны и сбор колосков, и сбор картофеля превратились в детский промысел, который больше свидетельствовал о маргинализации повседневных практик в затруднительных условиях: *«мы гнилушки из земли выкапывали картошечные»* [Там же, 25].

Закреплению картофеля в личном хозяйстве, да и в колхозно-совхозном производстве способствовал процесс его возделывания, в отличие от зерновых не требовавший значительных физических затрат и специальных орудий труда. Важным фактором была и доступность посадочного материала. В годы войны большое распространение получила посадка картофеля отходами (кожурой или «глазками»), получаемыми при чистке: *«...Тогда что посадишь: добрую картошку — ее ешь, а что срезаешь — садишь»* (Зап. от А. В. Фомина, 1934 г.р., с. Островное, Мамонтовский р-н, Алтайский край. 2000 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]; *«Посадочным материалом была толстая кожура картофеля. Всё это заготавливалось во время зимы и хранилось в погреб»* [Сборник воспоминаний, Крымский И. В., 1931 г.р.]. Такой посадочный материал сильно влиял на урожай: большинство респондентов говорят, что картошка *«плохо родилась»* — мелкая была. «Мелкоте» способствовала и сдача картофеля в качестве сельхозналогов, когда его «просеивали» через своеобразное сито: крупный сдавали, мелкий оставляли себе. Известно, что его начинали довольно рано «подкапывать» в условиях нехватки

продуктов. Зафиксированы случаи, когда дети подрывали кусты, выбирали одну-две картофелины покрупнее и снова прикапывали, чтобы родители не обнаружили.

Следствием перераспределения огородных и полевых культур в системе питания стала реструктуризация приусадебного участка за счет увеличения площадей под посадку картофеля. Респонденты говорят о том, что засаживали картофелем все возможные участки земли, даже дворовую площадь перед крыльцом. В. А. Пяткова рассказывала, что картошкой вручную засаживали всё пространство вокруг их крохотной избушки в двух местах — в «*крохотном огородчике*» за срубной избушкой и во дворе перед крыльцом (Зап. от В. А. Пятковой, 1933 г.р., ст. Озерки, Тальменский р-н, Алтайский край. 1996 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Государство пошло на послабления в годы войны, разрешив увеличить площади огородов и нарезать на колхозной земле выносные поля под картофель. Этим воспользовались колхозы. Подтверждением служат многочисленные устные свидетельства: «...*картошку свою копали. Тут же огороды огромные были. Только ими и жили. Только картошкой*» (Зап. от Н. П. Маслова, 1932 г.р., см. выше); «...*мама успевала везде... и два огорода засаживала картошкой, чтобы прокормить нас*» [Сборник воспоминаний, Тютерева В. Е., 1941 г.р.].

При увеличении значения огородов семья должна была адаптироваться к условиям тяжелого физического труда и найти замену лошадям и технике. «Приспособление» домашнего рогатого скота к сельскохозяйственным и транспортным работам легло на плечи женщин и подростков. Как поясняла А. В. Яшина: «*Не было же ни тракторов. Бывало, сами копали землю. А так свою запрягали корову, чтоб вспахать огород*» (Зап. от А. В. Яшиной, 1925 г.р., п. Благовещенка, Благовещенский р-н, Алтайский край. 2015 г.) [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1]. Введение коров в производственные работы происходило относительно легко, так как они, по словам респондентов, «*как собаки, послушно шли за хозяйкой*». М. Е. Малахов говорил: «...*вообще, в поводу водили вот колхозную <корову>. В колхозе боронили на них, в борону запрягаешь и водишь за*

поводок. Они быстро привыкают» (Зап. от М. Е. Малахова, 1938 г.р., см. выше). При вспахивании огорода или на колхозном поле женщина-хозяйка шла впереди и вела корову за собой «на поводке». Но удобнее было пахать на коровах вдвоем: «...*один ведет корову, другой управляет*» (Зап. от Н. А. Шинкевич, 1925 г.р., см. выше).

Процесс «обуздания» быков был сложнее и на этапе приучения, и при использовании в работе. Быки сопротивлялись. При транспортировке могли останавливаться и не реагировать на возничих. При вспашке могли не только не подчиняться командам, но и сбегали с пашни. Их обучением в годы войны занимались подростки. М. Е. Малахов, который в военном детстве работал и на лошадях, и на коровах, говорил, что обучение лошадей заключалось во включении молодняка в работы вместе с рабочими лошадьми. Для этого их пристегивали к опытным лошадям во время работ. В такой «*упряжке они следовали вслед за ведущей — коренной³ лошадию*» (Зап. от М. Е. Малахова, 1938 г.р., см. выше). Главное было «вымотать» молодняка работой, чтобы он устал и уже не сопротивлялся.

Одним из видов выматывающей работы «в упряжке» была заготовка кизяка — монотонная, но тяжелая работа, когда лошадей гоняли по кругу: «*Лошадей обучали, как навоз топтали на кизяки. Верховая лошадь. Сидит <наездник>. Сзади два-три <коня>. Молодняк привязывали. Круги большие топтали. А потом, как мыть, в речку загоняешь. Этот сидит, который на рабочей лошади. А мы, пацаны, значит, подплываем <к молодым>. До полубока воды — он не выпрыгнет, молодняк-то. Они устают же топтать навоз. И, раз, закарабкаешься на него. Он поедет, поедет... Потом выезжает потихоньку из воды. Всё поменьше, поменьше. За гриву поймаешь, как клеушку прилетишь*». Также приучали «молодняк» на покосах и уборке сена: «...*начинается сенокос. На конных сенокосилках работали две лошади... Эту сенокосилку таскают. И их по одному <молдых коней> в пристяжку. И вот, как уработаются, уже не взбрыкивают*» (Зап. от М. Е. Малахова, 1938 г.р., см. выше).

Опыт приручения лошадей был использован и при введении в сельхозработы

³ Коренной в тройке являлась центральная лошадь, а пристяжные — лошади сбoku.

крупного рогатого скота — коров и быков. Михаил Ефимович так рассказывал о приручении: *«На коровы-то в воде садились верхом... Она же не лягает так, как лошадь. Но на ней зато кожа вот так туда-сюда ползает. <Поэтому> на ней трудно удержаться. И всё равно, голыми ногами прилипнешь к ей, да еще водой помочишь, чтобы не скользила. На них <верхом> мало ездили». Быки даже после обучения проявляли свой буйный или упрямый нрав: «... на быках возили горючку, а он где-нибудь посреди пути от Романово к Мамонтову ляжет посреди дороги — и хоть что с ним делай». Или наоборот — взбрыкнет и несется: «...быки упрямые. Они посильнее. Но всё равно обламывали. Ярмо — сверху вот такое широкое оно и маленько вот как-то с выемкой. И тут дыра, и тут дыра, а снизу прямая палка, и вставляли — занозы назывались. Круглые такие вытёсывались, вставляешь — и вот снизу, как гвоздик, заплётываешь. И всё. Вся сбруя была. Занозу только выдернул — хвост трубой, и понесся бык» (Зап. от М.Е. Малахова, 1938 г.р., см. выше).*

Таким образом, анализ совокупности повседневных жизнесохранительных практик сельского населения показал, что, с одной стороны, в основе сформированной системы преодоления трудностей лежало сохранение и дальнейшее развитие этнокультурных традиций, с другой — военные условия вели к изменению и трансформации базовых элементов культуры жизнеобеспечения. И основными путями вкрапления новаций, в том числе иноэтнических, в культуру русского сельского населения стали адаптационные повседневные практики борьбы, в основе которых лежали заместительные технологии, позволяющие заменять или замещать недостающие базовые и периферийные компоненты культуры жизнеобеспечения. Так, в развитии приусадебного хозяйства в поисках альтернативы именно огородничество компенсировало потери от ликвидации семейного земледелия. Вместе с тем процессы, происходящие в домашнем огородничестве и скотоводстве, были противоречивыми, так как,

с одной стороны, война мобилизовывала народные умения, с другой — они сопровождались трансформациями самих трудовых традиций и культуры жизнеобеспечения. В основе отбора и замещения лежала прагматичность — полезность и многофункциональность элементов. Базировались адаптационные практики на половозрастном разделении труда, в основе которого в годы войны также лежало замещение мужского труда на женский, женского — на детский и т.д. В совокупности все эти факторы обеспечивали жизнедеятельность сельского общества и служили гарантом поддержки тылом фронта. Это позволяет говорить, что вклад тылового населения в Победу во многом был обусловлен опорой на традиционную культуру, народный опыт преодоления трудностей, гибкость и мобильность трудовых и семейных традиций.

Одним из важных результатов исследования стал вывод о новых перспективах в изучении Великой Отечественной войны с опорой на социальную память, которая является важнейшим источником информации по повседневным традиционным практикам тылового сельского населения в годы войны. Исследователи недостаточно работают с памятью, хотя уже упущено много возможностей с учетом трудоспособного населения военного времени. Но сохранение социальной памяти с информацией, вращающейся в пределах трех-пяти поколений, позволяет наверстать упущенное. И основным методом получения этой информации является устная история, с помощью которой создаются новые источники. Их введение в научный оборот открывает новые горизонты — антропологическое содержание исторических событий, позволяет обратиться к малоизученным вопросам новаций и традиций в семейных практиках крестьян по борьбе с трудностями военного времени с опорой на внутренние ресурсы семьи и семейного хозяйствования, базой которых служили исторический опыт и крестьянская традиционная культура.

Источники и материалы

Алтайская деревня 2012 — Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Науч. ред. Т.К. Щеглова, Л.М. Дмитриева; Ред. Л.А. Виганд. Барнаул: Алт. дом печати, 2012.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ — Архив Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета.

Сборник воспоминаний — Сборник воспоминаний граждан Романовского района

о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: [Рукопись] // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

Исследования

Алекса, Рыков 2015 — *Алекса Д. В., Рыков А. В.* Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // *Этнография Алтая и сопредельных территорий: Матер. Междунар. науч. конф., посв. 25-летию Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета* (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / Под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 306–311.

Арутюнян 1963 — *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Академия наук СССР, 1963.

Асман 2014 — *Асман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2014.

Громыко 1975 — *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX века). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975.

Гучинова 2005 — *Гучинова Э.-Б. М.* Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005.

Культура жизнеобеспечения 1983 — *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования* (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

Миненко 1991 — *Миненко Н. А.* Культура русских крестьян Зауралья, XVIII — первая половина XIX века. М.: Наука, 1991.

Ростов 2011 — *Ростов Н. Д.* Мобилизация транспортных ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул: АлтГТУ, 2011.

Рыков 2015 — *Рыков А. В.* Питание колхозных крестьян в условиях полеводче-

ских и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // *Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.: археология, этнография, устная история* / Отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 228–231.

Рыков 2016 — *Рыков А. В.* Роль бахчевых культур в жизнеобеспечении русского крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // *Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история*. Вып. 11: Матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Павлодар, 21–22 апреля, 2016 г.). Т. 1 / Под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина и др. Павлодар; Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 228–232.

Рыков 2017 — *Рыков А. В.* Влияние обязательных поставок государству на материальное положение колхозников Алтая в годы Великой Отечественной войны (по материалам устных исторических источников) // *Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): Матер. Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2017. С. 238–241.

Свидовская, Ковзель 2018 — *Свидовская А. С., Ковзель А. В.* Кукуруза в питании жителей Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (по полевым материалам 2017 г.) // *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Сб. матер. Междунар. науч. конф.* / Под общ. ред. В. А. Веремченко; Отв. ред. С. В. Степанов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 159–165.

Щеглова 2015 — *Щеглова Т. К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: Научные и методические материалы. Барнаул: Азбука, 2015.

Щеглова 2018 — *Щеглова Т. К.* Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции: Монография. Барнаул: АлтГПУ, 2018.

© Т. К. Щеглова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Щеглова Т. К. <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета: Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55; тел.: +7 (3852) 20-54-33; e-mail: tk_altai@mail.ru

Traditional Culture as a System That Helped the Rural Russian Population of Siberia Overcome the Difficulties of Being in the Rear During the Great Patriotic War

Tatiana K. Shcheglova

(Altai State Pedagogical University: 55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation)

Summary. *This article discusses the importance of traditional culture in maintaining the life of rural society in the Siberian rear during the Great Patriotic War. It is based on field research using methods and sources of oral history to explore social memory. The article analyzes the relevance and mobility of folk traditions in everyday life, describes life-saving practices and their relationship with traditional skills, and determines the place of these practices in helping Russian peasants adapt to wartime social and economic needs. The author asserts that the adaptive system for overcoming difficulty was based on substitute technologies for providing food, housing, and clothing for the family. She considers the creative role of traditional culture and its flexibility in the sphere of kitchen gardening and domestic livestock. The article notes the tendency of their restructuring in order to replace basic components of the traditional culture of life support and to consider them secondary. Multifunctionality and versatility now serve as the criterion for adaptive substitution. Attention is paid to the gender and age redistribution of work responsibilities in the rural family, associated with the historical experience of raising children and family traditions. At the end of the study, the author proposes that traditional culture be considered a factor in Russia's victory in the Great Patriotic War, and that the survival of peasant society in the difficult conditions of the rear be appreciated as an integral part of the population's achievement.*

Key words: *the rear, rural Russian population, social memory, everyday adaptation practices, labor and family traditions.*

Received: February 12, 2021.

Date of publication: June 25, 2021.

For citation: Shcheglova T. K. Traditional Culture as a System That Helped the Rural Russian Population of Siberia Overcome the Difficulties of Being in the Rear During the Great Patriotic War. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 24–39. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.2.002>

References

Aleksa D. V., Rykov A. V. (2015) Ogorodnichestvo v sisteme zhizneobespecheniya sel'skogo russkogo naseleniya Altaiskogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Kitchen Gardening in the Life-Support System of the Rural Russian Population of the Altai Territory During the Great Patriotic War]. In: *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii* [The Ethnography of Altai and Adjacent Territories]: Proc. of the Intern. Schol. Conf., dedicated to the 25th anniversary of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Local History of the Altai State Pedagogical University (Barnaul, October 28–30, 2015). Iss. 9. Ed. by T. K. Shcheglova. Barnaul: AltGPU. Pp. 306–311. In Russian.

Arutyunov S. A., Markaryan E. S. (ed.) (1983) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos. Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh armjanskoi sel'skoi kul'tury)* [Life-Support Culture and Ethnos. An Attempt at Ethno-Cultural Research (Based on Materials of Armenian Rural Culture)]. Yerevan: Izdatel'stvo AN ArmSSR. In Russian.

Arutyunyan Yu. V. (1963) Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [So-

viet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow: Akademiya nauk SSSR. In Russian.

Assman A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. In Russian.

Gromyko M. M. (1975) *Trudovye traditsii russkikh krest'yan Sibiri (XVIII — pervaya polovina XIX veka)* [Labor Traditions of the Russian Peasants of Siberia (the 18th — First Half of the 19th Century)]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Guchinova E.-B. M. (2005) *Pomnit' nel'zya zabyt': Antropologiya deportatsionnoi travmy kalmykov* [Remember, We Can't Forget: The Anthropology of the Kalmyks' Trauma of Deportation]. Shtutgart: Ibidem. In Russian.

Minenko N. A. (1991) *Kul'tura russkikh krest'yan Zaural'ya, XVIII — pervaya polovina XIX veka* [The Culture of Russian Peasants in the Trans-Urals, the 18th — First Half of the 19th Century]. Moscow: Nauka. In Russian.

Rostov N. D. (2011) *Mobilizatsiya transportnykh resursov Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [Mobilization of the Transport Resources of Siberia During the Great

Patriotic War (1941–1945)]. Barnaul: AltGTU. In Russian.

Rykov A. V. (2015) Pitanie kolkhoznnykh krest'yan v usloviyakh polevodcheskikh i traktornykh brigad Altaiskogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Nutrition of Kolkhoz Peasants in the Conditions of Field and Tractor Crews of the Altai Territory During the Great Patriotic War]. In: Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2014 g.: arkhеologiya, etnografiya, ustnaya istoriya [Field Studies in the Irtysh Region, Upper Ob Region and Altai in 2014: Archeology, Ethnography, Oral History]. Ed. by M. A. Demin, T. K. Shcheglova. Barnaul: AltGPU. Pp. 228–231. In Russian.

Rykov A. V. (2016) Rol' bakhchevykh kul'tur v zhizneobespechenii russkogo krest'yanstva Altaiskogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Role of Melon Crops in the Life Support of the Russian Peasantry of the Altai Territory During the Great Patriotic War]. In: Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2015 g.: etnografiya, ustnaya istoriya. [Field Studies in the Irtysh Region, Upper Ob Region and Altai in 2015: Ethnography, Oral History]. Iss. 11: Proc. of the XI Intern. Schol. and Pract. Conf. (Pavlodar, April 21–22, 2016). Vol. 1. Ed. by T. K. Shcheglova, M. A. Demin et al. Pavlodar; Barnaul: AltGPU. Pp. 228–232. In Russian.

Rykov A. V. (2017) Vliyanie obyazatel'nykh postavok gosudarstvu na material'noe polozhenie kolkhoznikov Altaya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam ustnykh istoricheskikh istochnikov) [The Effect of Obligatory Deliveries to the State; on the Material Situation of Altai Collective Farmers During the Great Patriotic War (Based on Oral Historical Sources)].

In: Aziatskaya Rossiya: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo, demograficheskogo i kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.) [Asian Russia: Problems of Socio-Economic, Demographic and Cultural Development (17th — 21st Centuries)]: Proc. of the Intern. Schol. Conf. Ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk: Parallel'. Pp. 238–241. In Russian.

Shcheglova T. K. (2015) Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoi Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Ethnography of the Russian Peasantry in the South of Western Siberia in the 20th Century: the Culture of Life-Support During the Great Patriotic War]: Schol. and method. materials. Barnaul: Azbuka. In Russian.

Shcheglova T. K. (2018) Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v 1930–1950-kh gg.: zhilishche, pishcha, odezhdа, semeinye i trudovye traditsii [Culture and Life of the Russian Rural Population in the South of Western Siberia in the 1930–1950s: Housing, Food, Clothing, Family and Labor Traditions]. Barnaul: AltGPU. In Russian.

Svidovskaya A. S., Kovzel A. V. (2018) Kuku-ruza v pitanii zhitelei Altaiskogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po polevym materialam 2017 g.) [Corn in the Nutrition of the Inhabitants of Altai Territory During the Great Patriotic War (Based on Field Materials of 2017)]. In: Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyi aspekt) [Private and Public in the Daily Life of the Population of Russia: History and Modernity (The Regional Aspect)]: Col. papers of the Schol. Conf. Ed. by V. A. Veremenko, S. V. Stepanov. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 159–165. In Russian.

© T. K. Shcheglova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana K. Shcheglova <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

E-mail: tk_altai@mail.ru

Tel.: +7 (3852) 20-54-33

55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation

DSc in History, Professor, Chair, Department of National History, Altai State Pedagogical University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)